

ПЕРЕВОД ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАГМАТИКИ ДИАЛОГА

Силвия Петкова

Софийский университет имени св. Климента Охридского

TRANSLATION OF EXPRESSIVE SPEECH FORMULAE IN THE LIGHT OF PRAGMATICS OF DIALOGUE

Silvia Petkova

St. Kliment Ohridski University of Sofia

The paper examines the issues of translating Russian expressive speech formulae into Bulgarian. The study of the contexts of the use of the formula *Nado zhe!* allows to distinguish between six meanings, presented as speech acts of expressing specific emotions in response to the previous turn or the situation itself. As a result of the analysis of Russian literary text and their translations into Bulgarian a wide variability of interlingual correspondences is established, considering the context of communication and the speaker's intention. To choose the most suitable equivalent, the translator should be focused both on conveying the pragmatic function of the utterance and complying with the colloquial usage.

Key words: discourse and interaction, expressive speech formulae, speaker's intention, translation strategies

Изучение стратегий перевода на болгарский язык характерных для русского языка формул (*Вот это да!*, *Да ну тебя!*, *Ничего себе!*, *Как бы не так!* и др.) позволяет выявить специфику процесса трансляции значения единиц разговорного диалогического дискурса.

Достижение коммуникативной равноценности при переводе клишированных реплик диалога зависит от того, насколько переводчик уловил особенности употребления исходной единицы в динамике речевого взаимодействия. Трудности поиска переводческого соответствия обусловлены необходимостью адекватно передать прагматический компонент значения речевой формулы, который тесно связан с содержанием реплики-стимула или с экстралингвистической ситуаци-

ей. При этом особого внимания требует узус, в котором находят отражение естественные вербальные реакции носителей языка на конкретные коммуникативные стимулы.

В лингвистике нет общепринятого наименования класса устойчивых единиц языка, обозначаемых нами термином *экспрессивные речевые формулы (ЭРФ)*. Они известны как *релятивы* (Сиротинина 1974), *коммуникативы* (Шаронов 2012, 2017), *коммуникемы* (Меликян 2001), *иллокутивы* (Кустова 2012), *дискурсивные формулы* (Бычкова, Рахилина, Слепак 2019). Наблюдаемый терминологический разнобой обусловлен как неопределенностью границ интересующей нас языковой категории, так и ее неоднородным составом.

ЭРФ ориентированы на выражение модуса говорящего, их главная цель состоит в передаче эмоционально-оценочного отношения к содержанию речи собеседника или к непосредственно наблюдаемой ситуации. Они представляют собой «знаки актуального самовыражения или актуального воздействия» (Кустова 2012: 355). Важно отметить, что ЭРФ имеют неэтикетный характер. В отличие от формул речевого этикета, они мотивированы подлинными эмоциями и нередко идут в разрез с нормами вежливости.

В структурном отношении ЭРФ отличаются «застывшей» формой, т.е. они лексически непроницаемы и не имеют парадигмы. Их формульный характер заключается в том, что «они представляют собой диалоговые шаблоны, которые запоминаются и воспроизводятся говорящим как есть» (Бычкова, Рахилина, Слепак 2019: 258).

Востребованность этих реплик в диалоге объясняется их большей воздействующей силой по сравнению со свободно творимыми экспрессивами. Ср. два варианта экспрессивного утвердительного ответа на вопрос: *Ну как, фильм тебе понравился?* – а) *Да, фильм просто замечательный!*, б) *Еще бы!* По сравнению со свободно сконструированной репликой в варианте а), формула *Еще бы!* оказывается одновременно и более экономной, и более эмоционально насыщенной речевой реакцией.

В составе ЭРФ мы разграничиваем три типа:

1. Формулы-сентенсиоиды, представляющие собой сплав частиц, местоимений и десемантизированных слов: *Вот это да!*, *Ничего себе!*, *Да ну!*, *Да уж!*, *А то!*, *Вот еще!*, *Да ладно тебе!*, *Как бы не так!* и др. Структура таких словесных комплексов не соответствует синтаксическим нормам современного русского языка. Иными словами, для единиц данного типа характерна аграмматичность.

2. Клишированные предложения, оформленные по правилам синтаксиса. Они обладают идиоматичностью, но им не свойственна образность: *С ума сойти!*, *Я тебя умоляю!*, *Знай наших!*, *Так держать!* и др.
3. Образные идиоматические реплики: *А ларчик просто открывался!*, *Тыпун тебе на язык!*, *Держи карман шире!*, *Даю голову на отсечение!*, *Вольному воля!* и др. Эти стереотипные фразы имеют форму предложения и относятся к категории поговорок.

Объектом нашего исследования являются подходы к переводу формул, принадлежащих к первой из трех групп. Именно ЭРФ непредложенческого типа получают в текстах перевода наиболее разнообразные соответствия вследствие вариативности реализуемых ими прагматических функций.

Материалом для анализа послужили тексты произведений современной русской прозы и их опубликованных переводов на болгарский язык. Мы руководствовались убеждением, что реплики литературных персонажей достаточно полно отражают особенности речевых стереотипов естественного общения. Диалог в художественном тексте заслуживает внимания, так как речевое взаимодействие героев повествования выявляет связывающие их отношения, их манеру поведения и черты характера. Обсуждая вопрос о правомерности исследования единиц диалога на основе письменных текстов, И. А. Шаронов подчеркивает, что в стремлении сохранить правдоподобие диалога писатели «активно используют стереотипные ответные реплики, несущие прагматическую информацию о типе коммуникации, социальных и психологических характеристиках ее участников» (Шаронов 2017: 119).

Ученые, изучающие клишированные экспрессивные реплики, отмечают трудности достижения коммуникативной равноценности при их переводе. По словам В. Ю. Меликяна, сложность коммуникаемы, «закрывающаяся в нечленимости формы и содержания, непонятным характере ее значения и т.п., обусловила и существование проблемы ее адекватного перевода» (Меликян 2015: 171). В значении ЭРФ доминирует прагматическое, а не пропозициональное содержание, поэтому для его понимания и транслирования необходимо знать, какой речевой акт (РА) можно осуществить посредством исходной формулы и каковы правила ее дискурсивной сочетаемости. Учет этих знаний имеет первостепенное значение при решении переводческих задач, связанных с поиском наиболее подходящего соответствия исходной ЭРФ среди ресурсов языка перевода.

В идентификации коммуникативной интенции, мотивирующей употребление той или иной экспрессивной реплики, переводчики могут опираться на авторские ремарки. В силу отсутствия возможности передачи на письме интонации, характерной для устной реализации ЭРФ, писатели, как правило, указывают на эмоциональное состояние говорящего при ее произнесении. По нашим наблюдениям, в число глаголов эмоционального состояния, широко используемых в ремарках к экспрессивным репликам персонажей, входят: *восхититься, возмутиться, изумиться, ужаснуться, расстроиться, занервничать, растеряться, разозлиться* и др. В качестве комментария к клишированным реактивным репликам авторы прибегают и к глаголам речи: *возразить, воскликнуть, буркнуть, протянуть* и др. Нейтральные глаголы речи *сказать, произнести, ответить* могут сопровождаться наречием или наречным словосочетанием, указывающим на внутреннее состояние говорящего или на его манеру речи: *сказать (произнести, ответить) задумчиво / вежливо / нагло / весело / презрительно / с апломбом / с досадой / с улыбкой* и др. Ремарка к формуле может также описывать мимику или жест персонажа: *улыбнулся, усмехнулся, кивнул, покачал головой, отмахнулся* и др.

При передаче значения русских ЭРФ на болгарский язык применение способа дословного перевод, как правило, оказывается неподходящим в силу десемантизации компонентов переводимой единицы. Об этом свидетельствует пример нежелательного буквализма при переводе типичной для разговорного диалога формулы *Что ты!*:

- (1) – *Слушай, а почему бы не сказать маме, что ты уже почти гражданка Новой Зеландии? А Олега Петровича давно можно почтить как павшего смертью храбрых?*
- **Что ты!** – *ужаснулась я. – Мама тут же примется устраивать мою судьбу с яростью, перед которой окажутся бессильными все* (Т. Веденская, Брачный марафон).
- *Слушай, а защо не кажеш на майка си, че ти вече почти си гражданка на Нова Зеландия? А Олег Петрович отдавна са го почели като паднал със смъртта на храбрите?*
- **Ти какво!** – *ужасих се. – Майка веднага ще се заеме с уреждането на съдбата ми с ярост, пред която всички ще се окажат безсилни* (перевод: Т. Ангова).

В этом диалогическом единстве реплика-стимул содержит РА ненавязчивого совета, посредством которого парень предлагает по-друге вариант выхода из трудной ситуации. Реплика-реакция *Что ты!* отражает убежденность героини, что реализация предложенного

плана действия привела бы к крайне негативным последствиям – сама мысль об этом ее пугает (см. ремарку *ужаснулась я*). Отметим, что, по наблюдениям П. А. Бычковой, произнося формулу *Что ты!*, «говорящий ставит себя в позицию более разумного и здорового человека, чем тот, кому он ее адресует» (Бычкова 2020: 94). Об этом свидетельствует и синонимия, связывающая эту ЭРФ с формулами *С ума сошел!*, *Обалдел, что ли?*, *С дуба рухнул?* и т.п. Ввиду сказанного буквальный перевод *Ти какво!* звучит неестественно. Подобная реплика не способна передать прагматический заряд исходной ЭРФ. С учетом узуса болгарского языка здесь было бы уместно использовать формулу *Само това не!*, служащую для эмоционально насыщенного отвержения возможности совершить предлагаемое действие.

При признании необходимости избегать буквального перевода ЭРФ и стремиться к достижению функциональной эквивалентности задача переводчика не упрощается, так как в большинстве случаев ему нельзя рассчитывать на готовые решения. Многозначность ЭРФ нередко становится причиной переводческих ошибок: производится неправильная идентификация значения, актуализируемого в тексте оригинала, а это приводит к неоправданному изменению совершаемого говорящим речевого действия. Например:

- (2) – *Юрий Кондратьич, вы – волшебник!* – воскликнул Лёня. – *Мне бы хотелось как-то отблагодарить вас!*
– *Да что вы,* – снисходительно усмехнулся хозяин, – *это такая чепуха...* (Д. Рубина, На солнечной стороне улицы).
– *Юрий Кондратич, вие сте вълшебник!* – възкликна Лёня. – *Бих искал да ви се отблагодаря!*
– *Я стига!* – снисходително се усмихна домакинът. – *Това е дребна работа...* (перевод: Т. Балова).

В ситуации вежливого разговора, придерживающегося *вы*-формы общения, выбранный вариант переводческого соответствия звучит слишком грубо. Вежливое возражение, характеризующееся снисходительной тональностью (см. также негативно окрашенный глагол *усмехнуться* в авторской ремарке), предполагает использование таких болгарских реплик, как *Ама моля ви се!*, *Е, хайде сега, няма нужда!* и т.п.

Задачи перевода исследуемых единиц диалогической речи усложняются и тем, что в переводческой практике применяются весьма разнородные приемы передачи их значения. Обработка эмпирического материала позволяет выявить следующие основные способы перевода русских ЭРФ:

1. Перевод посредством болгарской речевой формулы

Чаще всего при таком подходе используется не семантический эквивалент, а функциональный аналог. Например:

- (3) – *Маня, – глядя на меня как-то чересчур пристально, сказал Стас, – я хочу, чтобы некоторое время ты пожила у меня.*
– ***Вот еще,** – ответила я презрительно, поражаясь чуждому коварству (Т. Полякова, Миллионерша желает познакомиться).*
– *Маня – каза Стас и ме погледна някак твърде изпитателно, – искам известно време да поживееш при мен.*
– ***Как ли пък не!** – отвърнах презрительно, поражена от коварството му (перевод: Ива Митева).*

Подобранная переводчицей болгарская ЭРФ коммуникативно равноценна исходной клишированной реплике, так как адекватно передает интенцию субъекта речи.

2. Перевод исходной формулы посредством свободной конструкции

Нередко переводчики прибегают к окказиональному соответствию исходной формулы. Применение такой стратегии перевода специфической для русского языка формулы *Ничего себе!* наблюдается в следующем фрагменте диалога:

- (4) – *Два часа назад его отпустили, правда, забыли извиниться.*
– ***Ничего себе,** – протянула Настя задумчиво. – Я вам очень сочувствую, Владимир Антонович (А. Маринина, За все надо платить).*
– *Пуснали го преди два часа, но без да му се извинят.*
– ***Каква история!** – замислено проточи Настя. – Искрено ви съчувствам, Владимир Антонович (перевод: З. Петрова).*

3. Перевод посредством междометия

В диалогическом единстве (5) следователь Юрий Коротков неприятно удивлен. Его коллега Настя Каменская сообщает ему в конце рабочего дня (который он провел в разъездах), что они срочно должны ехать к друзьям, чтобы уточнить обстоятельства преступления.

- (5) – *Поедем мы с тобой, Юрик, к нашему общему другу Стасову и его любимой жене Татьяне. Очень может быть, что Татьяна видела Широкову за несколько часов до смерти.*
– ***Вот это да!** – выдохнул Коротков. – Стоит только мне выйти из комнаты, как обязательно что-нибудь случается (А. Маринина, Светлый лик смерти).*

- Сега двамата с тебе, Юрик, отиваме у нашия общ приятел Стасов и любимата му съпруга Татяна. Твърде възможно е Татяна да е видяла Широкова няколко часа преди смъртта ѝ.
- **Охо!** – тъжно възкликна Коротков. – Стига само да изляза от кабинета ти, и точно тогава непременно нещо се случва (превод: З. Петрова).

Для передачи значения формулы *Вот это да!* переводчица остановила свой выбор на болгарском междометии *Охо!*, соблюдая требование сохранения эмотивного заряда оригинала.

4. Перевод посредством однословной диалогической реакции

В следующем диалоге прагматическое значение удивления, носителем которого является формула *Да ты что?!*, передано посредством болгарской вопросительной частицы *нима*, формирующей самостоятельную реплику:

- (6) – *А... чего ты звонишь по ночам?!*
- *По каким еще ночам?! Время полдевятого только!*
- **Да ты что?!** – поразился Лавровский. – *А я думал, что уже... а-а-а... – И он вдруг откровенно зевнул в трубку (Т. Устинова, Гений пустого места).*
- *А... защо звъниш по нощите?*
- *Какви ти нощи?! Едва осем и половина е!*
- **Нима?** – изуми се Лавровски. – *А аз си мислех, че вече е... ааа – изведнъж той без стеснение се прозя в слушалката (превод: М. Николова).*

В «Словаре болгарского языка» частица *нима* определяется как средство выражения удивления, недоумения, сомнения («част. За питане, като се изразява учудване, недоумение, изненада, съмнение» (РБЕ 2002 – 2015)). Она относится к т. наз. репликовым частицам (Шаронов 2017: 117), способным формировать высказывание как реакцию на речевой ход коммуникативного партнера.

5. Опускание

Рассмотрим фрагмент из романа «Петровы в grippe и вокруг него», в котором Игорь, друг главного героя Петрова, уговаривает его поехать за город, к знакомому. Петров не соглашается и заявляет, что поедет домой отдохнуть, так как после праздников ему еще «впахивать и впахивать». Игорь настаивает, что надо ехать:

- (7) – *<...> А потом его где-нибудь еще можно повспоминать во всяких разговорах. А то что ты там видишь у себя под машинами, в яме своей?*

«Ну не скажи», – хотел возразить ему Петров, а Игорь уже стоял на обочине и протягивал, голосуя, руку с пакетом (А. Сальников, Петровы в гриппе и вокруг него).

- <...> А после може да го споменаваме във всякакви разговори. Я кажи, ти какво виждаш там в канала, под колите!
На Петров му се прииска да възрази, но Игор вече стоеше на бордюра с вдигната ръка, стиснал торбата в другата (перевод: Б. Даракчиева).

Переводчица сочла возможным опустить перевод экспрессивной формулы *Не скажи!*, которая употребляется в русской речи как «выражение несогласия, возражения» (Меликян 2001: 135).

Исходя из убеждения, что адекватность переводческих решений следует оценивать на базе контекстуально-ситуативного анализа, рассмотрим случаи реализации разных способов перевода специфической для русского языка ЭРФ *Надо же!*

Согласно лексикографическим данным, у этой формулы выделяются два значения: «1. Выражение удивления, изумления, восхищения, радости и т.п.», «2. Выражение удивления, изумления, недовольства, возмущения и т.п.» (Меликян 2001: 128). С учетом задач лексикографии подобное недифференцированное представление значений, возможно, имеет свои основания, но для решения задач перевода оно представляется недостаточно информативным.

На базе наблюдений над разнообразными контекстами употребления ЭРФ *Надо же!* мы предлагаем разграничивать в ее плане содержания следующие 6 значений:

1. Собственно удивление (изумление) при восприятии неожиданной информации.
2. Радостное удивление при восприятии позитивной информации.
3. Удивление и восхищение как реакция на экстралингвистическую ситуацию.
4. Удивление и чувство жалости при восприятии негативной информации.
5. Выражение чувства досады, негодования как реакция на неблагоприятное развитие событий.
6. Удивление и возмущение как реакция на установленный факт.

Данные значения послужили основой для установления межъязыковых соответствий в процессе транслатологического анализа.

Итак, обратимся к контекстам, в которых реализуются значения формулы *Надо же!*, и их переводам на болгарский язык.

1. Собственно удивление (изумление) при восприятии неожиданной информации

Экспрессивный РА удивления (изумления) реализуется как реакция на сообщение, в чью истинность говорящему трудно сразу поверить. Спонтанное восклицание *Надо же!* сигнализирует о том, что субъект речи пытается ассимилировать полученную неожиданную информацию.

Важно подчеркнуть, что в данном варианте реализации значения *Надо же!* удивление не сопровождается оценкой информации по шкале «хорошо – плохо». Вслед за П. А. Бычковой, Е. В. Рахилиной и Е. А. Слепак мы считаем, что речевым формулам, выражающим собственно удивление «можно приписать примерно следующее толкование: ‘Говорящий не знал о том, что Р, собеседник ему сообщает, что Р. Неожиданность информации вызывает эмоцию удивления, говорящий принимает Р к сведению’» (Бычкова, Рахилина, Слепак 2019: 262).

В примере (8) Лиля – не очень интеллигентная, но исключительно добрая женщина средних лет, которая после смерти сына нашла утешение в христианской вере, – произносит экспрессивную реплику *Надо же!* в разговоре с бывшей соседкой. Ее изумление вызвано внезапным столкновением между своей и чужой системами ценностей.

- (8) – *Старики наши поженились до революции, и оба приняли лютеранство. (...) А мама моя неверующая. Я даже не знаю, крещеная ли. Если крещена, то лютеранка...*
- *Да что ты? – изумилась Лиля. – Надо же, лютеранка... Но это все равно, ведь лютеране тоже христиане* (Л. Улицкая, Сквозная линия).
- *Нашите старци са се оженили преди революцията, и двамата са приели лютеранството. (...) А майка ми не е вярваща. Дори не знам дали е кръстена. Ако е кръстена, е лютеранка...*
- *Как може? – изуми се Лиля. – Да не повярваш, лютеранка... Но няма значение, нали и лютераните са христиани* (перевод: А. Григорова).

Выражаемая посредством *Надо же!* вербальная реакция сильного удивления передана болгарским клишированным восклицанием *Да не повярваш!* Добавим, что здесь возможно также использование синонимической формулы *Не е за вярване!* Следует уточнить, что несмотря на внутреннюю форму, эти две болгарские ЭРФ не означают, что коммуникант ставит услышанное под сомнение. Они мотивированы интенцией подчеркнуть «чистое» удивление, без оттенка неверия, что и делает их подходящими переводными эквивалентами (ср. русскую ЭРФ *Да ладно!*, выражающую удивление-неверие и имеющую иные соответствия в болгарском языке: *Стига бе!* и *Да бе!*).

2. Радостное удивление при восприятии позитивной информации

Реализация данного значения представлена в отрывке из романа «Дом на озерной», повествующем о возвращении Славы Тетерина домой с хорошей новостью. Он разговаривал с богатым бизнесменом (владельцем фонда, который выдал членам семьи Тетерина кредит под залог их квартир), и тот согласился им помочь, предложив спасательную сделку, в результате которой они получают свои квартиры обратно. Реплика *Надо же!* является реакцией семидесятилетнего отца большой семьи на неожиданную информацию, сообщенную зятем.

(9) *Тетерин перекрикивал весь этот гам, сбивчиво рассказывая про свой разговор с Михаилом Семеновичем. Ему не верили, переспрашивали, просили объяснить еще раз, и он начинал снова и снова*

– *Надо же! И среди них ведь бывают люди!* – говорил Иван Александрович, но его не слушали (А. Геласимов, Дом на Озерной).

Тетерин се опитваше да надвика олелията и с прекъсвания разказваше за срещата с Михаил Семьонович. На някои не им се вярваше, питаха, искаха да чуят началото и той започваше отново и отново.

– *Брей, да не повярваш!* И при тях имало свестни хора – казваше Иван Александрович, но никой не го слушаше (перевод: В. Данов).

В тексте перевода в качестве соответствия *Надо же!* снова (как и в проанализированном выше примере) используется ЭРФ *Да не повярваш!*, но на этот раз с добавлением междометия *брей*, усиливающего эмотивность речи. Согласно «Словарю болгарского языка», это междометие служит для выражения «длительного удивления»: «брей – 2. С удължаване на гласната е – за израз на продължаващо учудване» (РБЕ 2002–2015). Такой вариант перевода оказался уместным в ситуации восприятия новости о неожиданном положительном развитии ситуации, которому трудно найти объяснение.

В эпизоде из повести Д. Рубиной главная героиня Вера и ее друг Леня идут к пожилому часовщику, чтобы показать ему старинный кулон с часами, оставшийся у Веры от отца. Услышав заключение эксперта о том, что часы платиновые, а не серебряные, Леня реагирует радостным восклицанием *Надо же!* Этому вербальному выражению эмоции предшествуют спонтанные звуковые жесты (*присвистнул, рассмеялся*), в которых также проявляется восторженная реакция персонажа.

- (10) – *Они платиновые, – наконец проговорил хозяин негромко.
Леня присвистнул, рассмеялся:*
– **Ну надо же!** (Д. Рубина, На солнечной стороне улицы)
– *Платинен е – най-после каза тихо домакинът.
Льоня подсвирна и се засмя:*
– **Невероятно!** (перевод: Т. Балова).

Переводчица воспользовалась возможностью передать значение ЭРФ посредством однословной эмоциональной реакции: *Невероятно!*, которая подчеркивает одновременно удивление и восторг говорящего.

Удивление при восприятии позитивной информации иногда сопровождается чувством зависти. Такой контекст представлен в следующем примере:

- (11) *К ним шла, улыбаясь бессмысленной улыбкой, хрупкая девица на неверных ногах. Мишель встал, они поцеловались, он представил Женю:*
– *Моя приятельница из Москвы. Я ей про тебя рассказывал, она хотела с тобой познакомиться. Женя ее зовут.*
– *Из самой Москвы? Ну надо же! А я там отроду не бывала. В Хельсинки была, в Стокгольме, в Париже тоже. А в Москве не была (Л. Улицкая, Сквозная линия).*
Към тях с празна усмивка приближаваше фина млада жена на нестабилни крака. Мишел стана, разцелуваха се. Той представи Женя:
– *Моя приятелка от Москва. Разказвал съм ѝ за теб и тя поиска да ви запозная. Казва се Женя.*
– *Ама от самата Москва ли сте? Ама че работа! Никога не съм била там. Била съм в Хелзинки, в Стокхолм, в Париж съм била. Но в Москва не съм ходила (перевод: А. Григорова).*

Перевод исходной формулы, на наш взгляд, не вполне удачен, так как в этом контексте *Ну надо же!* выражает удивление с оттенком зависти (ср. *Ну надо же, почему и мне так не везет!*), в то время как болгарская формула *Ама че работа!* выражает неудовлетворенность неблагоприятным стечением обстоятельств. Более подходящими вариантами перевода были бы формула *Ти да видиш!* или междометное восклицание *Ехаа!*, так как они обладают прагматическим потенциалом, необходимым для передачи смешанных чувств героини ('Как хорошо, что Москва твой дом, и как жаль, что я там никогда не бывала, хотя давно мечтаю об этом').

3. Удивление и восхищение как реакция на экстралингвистическую ситуацию

В приведенном ниже фрагменте девушка восхищается красотой старинной рюмки. Экспрессивность ее восклицания при виде изящного предмета передана посредством междометия *Ах!* в сочетании с частицей *ама*.

(12) *Накануне ее кончины зашла молоденькая соседка, попросила рюмки – у нее был день рождения. Я открыла буфет, достала несколько разрозненных рюмочек, среди них одна красавица, старинная, со смазанной золотой росписью. Соседка стала ее разглядывать, восхищаться. <...>*

– *Ну надо же, как умели-то! Теперь уж никто так не может! А стоит поди...* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого).

Вечерта, преди да почине, дойде една млада съседка, трябвах и чаши – имаше рожден ден. Отворих бюфета и извадих чашиите, до една различни, имаше една много красива, едновременно рисувана със злато – вече се беше поизтъркало. Съседката почна да я разглежда и да се възхищава. <...>

– *Ах, ама как само са ги правели! Няма вече такива чаши! Сигурно е много скъпа...* (перевод: И. Тотоманов).

Возможность передачи эмотивной оценки, выражаемой речевой формулой, посредством междометия свидетельствует о сходстве прагматической функции представителей этих двух классов языковых единиц. Подобно ЭРФ, междометия, представляющие собой «эмоциональные вокальные жесты» (Шаронов 2009), имеют важную реактивно-регуляторную роль в устном межличностном общении.

4. Удивление и чувство жалости при восприятии негативной информации

В ряде случаев при восприятии новости, имеющей негативные последствия для собеседника или третьих лиц, доминирующим эмотивным значением формулы *Надо же!* оказывается сопереживание (эмпатия), чувство жалости. Такое употребление представлено в следующем диалоге.

(13) – *Покойный муж? – переспросила Настя. – Его что, тоже убили?*
– *Нет, он умер примерно две недели назад. Или чуть больше.*
– *Надо же, какое несчастье, – покачала она головой. – Сначала муж, следом жена. Дети остались? (А. Маринина, За все надо платить).*

- *Покойният ѝ съпруг ли?* – попита Настя. – *Какво, и той ли е убит?*
- *Не, починал е преди около две седмици. Или малко повече.*
- **Божичко**, какво нещастие! – поклати глава тя. – *Отначало съпругът, после съпругата. Оставили ли са сирачета?* (перевод: З. Петрова).

Учитывая узус, а также гендерную специфику речи героини, переводчица вполне уместно выбрала в качестве функционального соответствия междометие *Божичко!* Оно адекватно передает искреннее сочувствие чужому горю, выражаемое Настей Каменской.

В примере (14) представлен разговор между старой девой и санитаром. Персонажи познакомились незадолго до этого.

- (14) – *У меня нет детей. Я живу одна.*
- *Что, и мужа нет? И родителей?* – удивленно выспрашивал Павел.
 - *Нет никого. Родители умерли, а замужем я вообще не была.*
 - **Ну надо же**, – недоуменно качал он головой. – *Такое богатство – и никому не достанется. Обидно!* (А. Маринина, *Смерть и немного любви*).
 - *Нямам деца. Живея сама.*
 - *Какво, и съпруг ли нямате? И родители?* – учудено я заразпитва Павел.
 - *Никого нямам. Родителите ми починаха, изобицо не съм се омъжвала.*
 - **Гледай ти!** – недоумяващо клатеше глава той. – *Такова богатство – и няма кой да го наследи. Жалко!* (перевод: З. Петрова).

В данном контексте *Надо же!* выражает удивление при восприятии негативно оцениваемой информации, причем частица *Ну* усиливает иллокутивную силу экспрессивной реплики. Оценочный РА *Обидно!* (болг. *Жалко!*) в конце речевого хода также способствует созданию негативно-эмотивной тональности. Болгарская формула *Гледай ти!* обладает необходимым прагматическим потенциалом для передачи эмоций удивления и сожаления, характерных для исходной ЭРФ.

5. Выражение чувства досады, негодования как реакция на неблагоприятное развитие событий

Анализ эмпирического материала показывает, что неодобрение, выражаемое стереотипной репликой *Надо же!*, чаще всего проявляется как чувство неудовлетворенности сложившейся ситуацией. Можно

предположить, что данное значение является первичным по отношению к другим пяти выявленным значениям: именно оно восходит к полной версии фразы *Надо же было такому случиться!*, от которой путем усечения была образована интересующая нас ЭРФ.

О том, что в контексте (15) *Надо же!* является носителем вышеуказанного значения, свидетельствует авторская ремарка *захныкал добродушный*. В ней представлена фазисная модификация глагола *хныкать*, обладающего значением «2. перен. выразить свою беспомощность в чём-либо, слезливо жалуясь на кого-либо или на что-либо» (Ефремова 2000: 983). Говорящий – один из двух мужчин, ограбивших кассу кафе и взявших главную героиню в заложники. Передвигаясь с ней по улице, грабители видят, что стоящие на расстоянии парни стали снимать их видеокамерой.

- (15) – *Откуда они взялись? – взвизнул добродушный, сворачивая за угол, а я машинально ответила:*
- *Погодники.*
 - *Кто? – рявкнул нервный.*
 - *Прогноз погоды снимают, – пояснила я, – для телевидения, я парня узнала...*
 - *Ну надо же, – захныкал добродушный, а нервный повторил свое излюбленное «черт» (Т. Полякова. Миллионерша желает познакомиться).*
 - *Откъде се взеха тия? – извреця добродушният, докато завивахме зад ъгъла, а аз машинално отвърнах:*
 - *Това са синоптици.*
 - *Какви? – изкреця нервният.*
 - *Снимат прогнозата за времето – обясних му, – за телевизията, познавам едното момче...*
 - *Само това ни липсваше! – изхленчи добродушният, а нервният повтори любимата си фраза «по дяволите» (перевод: Ива Митева).*

Использованный прием подбора функционального аналога представляется нам удачным. Болгарская формула *Само това ни липсваше!* адекватно передает коммуникативную интенцию выражения крайней неудовлетворенности неожиданным усложнением и без того кризисной ситуации. Ср. словарное толкование фразы: «Само това ми липсваше. – Разг. На всичко отгоре и това» (РБЕ 2002 – 2015).

6. Удивление и возмущение как реакция на установленный факт

Если предшествующее значение ЭРФ *Надо же!* можно эксплицировать восклицанием ‘какая неудача!’, то данное значение следует интерпретировать как: ‘какое безобразие!’. Оно реализуется, когда говорящий испытывает сильное раздражение только что обнаруженным фактом, оцениваемым им как совершенно неожиданный и вместе с тем возмутительный.

Обратимся к контексту (16), где актуализируется это экспрессивно-оценочное значение. Персонажи романа В. Пелевина Морковин и Татарский зашли в буфет учреждения, размещающегося в большом сталинском доме с надписью: «Межбанковский комитет по информационным технологиям». Татарский садится за столик, а Морковин подходит к стойке и приносит стаканы и бутылку водки.

(16) *Сев за столик, он каким-то особым образом потряс бутылку и долго разглядывал возникшие в жидкости мелкие пузырьки.*

– *Нет, ну надо же,* – сказал он с изумлением. – *Я понимаю, в ларьке на улице... Но даже тут поддельная... Точно говорю, самопал из Польши...* (В. Пелевин, Generation «П» – НКРЯ).

Седна, тръсна бутылката някак особено и дълго гледа мехурчетата. После каза изумено:

– *Е, не! Разбирам да е от някое магазинче... Но и тук да е фалшива... Сериозно ти казвам – това е менше от Полша...* (перевод: И. Тотоманов).

В выборе функционального аналога переводчик руководствовался стремлением передать эмоциональную реакцию изумления при установлении факта продажи поддельной водки в столь уважаемом заведении. Восклицание *Е, не!* звучит вполне естественно в коммуникативной ситуации разговора бывших однокурсников. Уместным представляется и другой вариант перевода – при помощи формулы *Е, не е истина!*

Проведенные наблюдения подтверждают тезис о том, что перевод ЭРФ должен осуществляться с учетом ряда лингвопрагматических и узуальных факторов, влияющих на подбор языковых средств в режиме живого общения.

При определении эмотивно-коммуникативного плана содержания клишированной реплики *Надо же!*, актуализируемого в конкретных речевых ходах художественного диалога, важным ориентиром

служат авторские ремарки, указывающие на эмоционально насыщенное речевое действие (*сказал с изумлением, стала восхищаться, захныкал*) или на специфический жест, в том числе и звуковой (*недоуменно качал головой, присвистнул, рассмеялся*).

Исследование способов перевода русской экспрессивной формулы *Надо же!* показывает, что в ее шести значениях устанавливается наличие разных соответствий.

Широко используемыми подходами к передаче значения *Надо же!* являются: перевод посредством функционального аналога в виде болгарской ЭРФ (*Да не повярвай!, Гледай ти!, Е, не!, Ама че работа!, Само това ни липсваше!*) и перевод междометием (*Божичко!, Ах, ама... !*). Был зарегистрирован также перевод исходной формулы посредством однословной реакции в форме оценочного слова (*Невероятно!*).

Предложенная систематизация межъязыковых соответствий, установленных на материале переводов формулы *Надо же!* в полном спектре ее значений, позволяет выявить важные закономерности переводческого процесса, ориентированного на передачу эмотивно-интенционального содержания реплик диалога в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Бычкова 2020:** Бычкова, П. А. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций *ты что* и *что ты* [Bychkova, P. A. Svoystva diskursivnyh formul na primere russkih konstruktsij *ty chto* i *chto ty*.] // *Русский язык в научном освещении*. № 2, 2020, 88 – 111.
- Бычкова, Рахилина, Слепак 2019:** Бычкова, П. А., Рахилина, Е. В., Слепак, Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование. [Bychkova, P. A., Rahilina, E. V., Slepak, E. A. Diskursivnye formuly, polisemiya i zhestovoe markirovanie.] // *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2019. Т. 21, 256 – 283.
- Ефремова 2000:** Ефремова, Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. [Efremova, T. F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*.] Москва: Русский язык, 2000.
- Кустова 2012:** Кустова, Г. И. Об иллокутивной фразеологии. [Kustova, G. I. Ob illokutivnoj frazeologii.] // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. Москва: Изд-во Московского государственного университета, 2012, 349 – 366.

- Меликян 2001:** Меликян, В. Ю. *Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи.* [Melikyan, V. Yu. Slovar': Emotsional'no-ekspressivnye oboroty zhivoj rechi.] Москва: Флинта-Наука, 2001.
- Меликян 2015:** Меликян, В. Ю. Нечленимые предложения со значением оценки (переводческий аспект). [Melikyan, V. Yu. Nechlenimye predlozheniya so znacheniem otsenki (perevodcheskij aspekt).] // *Национальная идентичность сквозь призму диалога культур*, т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015, 169 – 173.
- РБЕ 2002–2015:** *Речник на българския език*, т. 1 – 15. [Rechnik na balgarskiya ezik, t. 1 – 15.] София: Акад. изд-во «Проф. Марин Дринов», 2002 – 2015. <<https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>> (11.10.2023).
- Сиротинина 1974:** Сиротинина, О. Б. *Современная разговорная речь и ее особенности.* [Sirotinina, O. B. Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti.] Москва: Просвещение, 1974.
- Шаронов 2012:** Шаронов, И. А. Проблемы описания русских коммуникативов, состоящих из служебных слов [Sharonov, I. A. Problemy opisaniya russkih kommunikativov, sostoyashhih iz sluzhebnyh slov.] // *Известия Саратовского университета, Серия: Филология. Журналистика.* 2012, № 3, 7 – 12.
- Шаронов 2009:** Шаронов, И. А. *Междометия в языке, в тексте и в коммуникации.* [Sharonov, I. A. Mezhdometiya v yazyke, v tekste i v kommunikatsii.] Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Москва, 2009.
- Шаронов 2017:** Шаронов, И. А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах. [Sharonov, I. A. Kommunikativy v estestvennyh i v hudozhestvennyh dialogah.] // *Экология языка и коммуникативная практика.* 2017, № 3, 114 – 127.